

стихотворениях А. де Ламартин, как и В. Гюго в стихотворениях, посвященных Жюльетте Друэ («Печаль Олимпио»), как А. де Мюссе в лирике, обращенной к Жорж Санд, уже проявился как индивидуальность, а романтически понятое «одинокство среди людей» и высокая чувствительность были глубоко персоналистичны.

В романтической мифопоэтике образ храма как средоточия духа слит воедино с образом человеческого сердца, являясь важнейшей составляющей многофункциональной парадигмы трансцендентного Молчания-бессмертия-вечности, категории вселенского масштаба, символа соития человека с природой и вселенной, «тайной бытия», сакральным временем, в котором любовь к женщине указывала путь к очищению и воскресению.

Источники и литература:

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения / Г. Башляр. – М. : Изд-во гуманит. лит., 1999.
2. Библер В. С. На гранях логики культуры / В. С. Библер. – М. : Рус. феноменол. о-во, 1997. – 440 с.
3. Зенкин С. Н. Французский романтизм и идея культуры / С. Н. Зенкин. – М. : РГГУ, 2002. – 288 с.
4. Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. Избранные труды / отв. ред. М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. – 303 с.
5. Карсавин Л. П. Культура средних веков / Л. П. Карсавин. – К. : Символ-Artland, 1995. – 198 с.
6. Станников Г. В. Мифология в поэтической системе Г. Гейне / Г. В. Станников // Литература и мифология. – Л. : ЛГПИ, 1975. – С. 24.
7. Французская элегия XVIII-XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. – М. : Радуга, 1989. – 687 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
9. Aureau V. Chateaubriand / V. Aureau. – P., 1995.
10. Lagarde A. XIX siècle. Les grands auteurs français / A. Lagarde, L. Michard. – P., 1969.
11. Hugo V. Notre-Dame de Paris. – P. : Garnier-Flammarion, 1967.

Маммадова Тора Камал кызы

УДК 821.512.162

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ И. ЭФЕНДИЕВА И СПОСОБЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ

Постановка проблемы. В произведениях Ильяса Эфендиева главное место занимают человек его внутренний мир, психология: тема человеческого счастья приобретает ясную и эмоциональную окраску, за счет психологизма его прозы обладает сильной влияющей силой. Наряду с всесторонним, противоречивым внутренним миром своих любимых героев автор обращает внимание на бытовые проблемы, идейно-духовные и философские вопросы создает более художественно, более естественно. Автора интересует чрезвычайно интенсивная внутренняя жизнь героев. Здесь и мы видим всесторонний внутренний мир Нурии, Салимы, Сарии, Сарыкейнек и др. Для каждого из этих героев характерной особенностью является «духовная целостность». Они «не смиряются с половинчатыми решениями, не могут освоиться, слепо подчиниться «воле судьбы» [2, 15], отражают в себе новую семью, поведение и любовные отношения.

«Ивы над арыком» - первый роман И. Эфендиева. В данном романе на первый план выдвигаются, прежде всего, психологические ситуации во взаимоотношениях человека, идейно-духовные противостояния. Нурия привлекает внимание миром своих индивидуальных психологических чувств, сменяющие друг друга события - на общих интересах и личной жизни. Она интересует писателя не столько как герой, сколько как личность, основу его проблематики составляет духовное и философское содержание характера. Все внимание направлено на взгляд человека на жизнь и процесс его изменения. В центре произведения находятся философские и этические искания. Герой задумывается о жизни и о ее смысле, но больше всего его интересует образ мышления. Целенаправленные размышления, возникающие во внутреннем мире Нурии после получения письма от Мурада, направляют на один момент отношения в желаемое русло в потоке ее мышления, за короткий срок ассоциация переживаний подчиняет рациональному содержанию внутренний мир. Наступает решительный момент. Нурия должна сделать последний шаг. Сможет ли она осуществить, реализовать задуманное во внутреннем мире или как реагирует на это ее внутреннее «я».

Налицо противоречие между внутренними размышлениями Нурии и возможностью реализовать их. Целостность в переживаниях, психологическое содержание в процессе эмоционального мышления звучит как самовыражение и самоутверждение повествования Нурии. Мы определяем идейно-духовное содержание характера, победу свободы (разума). И. Эфендиев также не отрицает важность разума в жизни человека. Л. Толстой делил свободу на три части: телесная свобода, чувственная и разумная свобода. Благоразумная форма последней свободы наблюдается у Нурии. Образ Нурии проделывает не меньшую работу, чем Керим «В ясных ночах» И. Эфендиева. Влияние Нурии на Мурада и Саадет было не меньшим, чем моральное влияние Керима на Сурхая. В обоих случаях автора заставляла задуматься борьба во имя человечности, чистой любви, духовного совершенства.

Сцена Мико-Марго подтверждает личность Салимы в романе «Три друга за горами». В процессе духовных поисков и самоутверждения личности философия «истины» героя (Салимы) сталкивается с фактами окружающей реальности, герой, находящийся в противоречивых реальностях, рассуждает о своем

«внутреннем я», пытается выдвинуть свою концепцию, решается нарушить привычные законы. Если Нурия во встрече с Саадет («Ивы над арыком») самоутверждается как личность, Салима самоутверждается в отношениях Мико-Марго. Любовь Салимы, не побеждает его человеческое достоинство, смелость и отвагу. «Если это любовь угрожает моей свободе, человеческому достоинству, я откажусь от нее» [8, 334]. Восстанческая борьба против привычной мужской психологии утверждает Салимы как личность. Авижью пишет: «Внутренний мир героя раскрывается в тот момент, когда автор реалистически показывает превращение его идеологии в психологию» [1]. Мы видим это в образе Салимы.

Образ Сарии («Кизилый мост») выделяется требовательностью, умением бороться. В азербайджанской литературе она является образом женщины – изменщицы.

Говоря о психологических приемах А. Пушкина и Стендаля всегда отмечают у обоих новаторство психологизма любви как основное качество их творчества. Таково и в произведении И. Эфендиева. Представленный И. Эфендиевым в азербайджанской литературе мотив измены был не только отличительным, но и требующим мужества событием. Необходимо исключить образ Хураман в произведении С. Вургуна «Вагиф», так как этот мотив измены заканчивается дидактическим концом. В отличие от Хураман Сария («Кизилый мост») не гонится за богатством и славой. Сария, как говорит Елчин, «пытается быть искренней и открытой в отношениях с людьми, ищет правду и чистоту, обращая внимание окружающих людей, особенно обывателей, на ее независимость» [5, 84]. Подобный мотив встречается в пьесе Джаббара Меджнунбекова «Молния». Егана женщина – изменщица; бросив дом, сына, мужа уходит к Джалалу. Однако никчемность Джалала не делает Егану счастливой. Автор обвиняет Егану. Здесь также прослеживается дидактический результат. И. Эфендиев же оберегает свою героиню Сарию от обвинений. В Адиле моральные достоинства скрыты за душевными переживаниями, он связывает психологические аспекты действий Сарии с духовной эволюцией и она становится героем произведения. И. Эфендиев знал, что, не смотря на возможность негативного восприятия представленного жизненного события со стороны общества, оно приобретет глубокое содержание и эстетическое значение как запоминающийся факт автобиографии.

Сегодня внимательно глядя из-за социалистического реализма, говоря об изменении основы идеи прозы, философской цели и проблематики прослеживается влияние и поэтическая сила образа Сарии. Сария, как образ построена на реальной действительности. В ней больше отличительного содержания и объема, чем в таких свойствах, как «первенство», «приближение к идеалу», «героизм». Правда отмечает Т. Алышаноглы, что Сария не умещается в рамках «героя прозы 50-х годов», «она противоречиво совмещает в себе с одной стороны его апологию, с другой стороны отрицание» [6, 25]. Сария двигаясь от «героя» к «человеку» доказывает, что современный человек, намного положительнее модели – героя, намного живет и сложнее ее» [3, 152].

Характер Сарии, напоминающий образ Анны Карениной Л. Толстого, в некотором роде схоже с ней в индивидуальной судьбе. Анна несчастна в семье, она не любит Каренина. Анна – женщина глубоко чувствующая, с духовной природой. Решительна, в борьбе за свою любовь сдает свою позицию. Она любит Вронского и требует вознаграждение за любовь. Эти же слова можно отнести и к Сарии. Сердечная жизнь Сарии от совместной жизни с Адилем до знакомства с Гарибджаном, до появления истинных любовных чувств в связи со знакомством с Гарибджаном описывается с помощью противоречий. Автор оправдывает отношение чувствами. И здесь он приближается не к Шекспиру, а к Толстому. Так же как и у Анны, характер Сарии, ищущий морально – философскую правду, развивается, меняется в результате различных жизненных впечатлений, на основе внутренней напряженности и противостояний. Развитие личности, изменение ее морально – философского содержания происходит путем прохождения через психологические ситуации. Автор, описывающий внутренний мир героя, берет за основу духовное содержание эмоционального мыслительного процесса души, ищет в чувствах и мыслях не ложь, лицемерие, а истинность, естественность, внутреннюю чистоту.

Анализируя, образ Анны Л. Толстой З. Шепелева считает естественным чувства Анны – 26 летней женщины к Вронскому, которые впервые ее обвораживает. Она отмечает, что именно эти чувства открывает у Анны человеческие чувства и женское достоинство. И это искренние любовь для нее не падение, а наоборот морально – нравственное повышение (см. 12. 156). Те же слова можно сказать и о Сарии. Именно увидев Гариба, из естественной потребности у нее рождается странное отношение. Рано или поздно в Сарии должны были разгорится желаемые ощущения. Привязанность и взгляды Адиле, требования определенных рамках не могли до конца господствовать в душе Сарии. Сария была лишена женского счастья. Именно здесь И. Эфендиев ставит проблему самооценки личности и общечеловеческого счастья, выдвигает идею чувства морального одиночества и свободы личности. Автор выступает против искусственных отношений в любви и пытается доказать, что любовь зарождается в глубине сердца, но очень часто становится крепче на основе духовной близости. А как видно, Сария была лишена этой близости.

Именно после того, как Сария полюбила Гариба, она поняла, что имеет право быть счастливой. В это время внутри Сарии зарождается ментальный конфликт. В результате нежелательного заключения индивида начинается процесс боязни сделать шаг. Любовь Сарии натывается на социальные препятствия. Это препятствие в первую очередь дорожается внутри. И. Эфендиев пытается анализировать зарождение чувств, логику их развития. Сария иногда не понимает себя, боится признать неожиданно зародившиеся чувства, удивляется капризам сердца. Находясь долгое время в раздумьях и сомнениях, героиня впоследствии понимает общечеловеческие критерии содержания жизни и на этой основе самореализуется, понимает себя и, наконец, самоутверждается. «Я не могла получить удовольствия от самообмана. Я чувствовала, как зарождается двуличие, подхалимство... и это порождало во мне отвращение» [7, 521].

Сария рвет цепи национальных традиций, которые мешали ей быть счастливой, у нее появляются новые представления молодой женщины о счастье. Перед страстью людей, воспитанных в новой социальной среде, гордых, независимых, свободных в истинном значении слова, сдают традиции.

Нельзя так же согласиться с критиками, не видящими в образе Сарии никаких признаков национального характера. Было бы не правильно обвинять ее «в нарушении обычных норм воспитания», «в напрасном уходе от Адила». Нельзя забывать, что национальный характер – историческая категория. Он может меняться. Оценивая действия Сарии чуть ли не как крушение национальных обычаев и традиций, понимаешь несоответствие азербайджанской литературы и художественной критики общему развитию. Это объясняется тем, что «быстротечное развитие не принимает во внимание моральное состояние современного человека, динамическую важность национального характера, то, что он является исторической категорией, диалектическое единство традиций и новаторства забывается» [5, 40].

Именно Сария, подавляя свои чувства, могла бы потерять содержание и колорит как современный образ, если бы примирилась со своей судьбой и, как образ, не интересовала бы не только читателя, но и критика.

Выводы и перспектива. Вагиф Юсифли, отмечая бросающийся в глаза в целом ряде образов азербайджанской прозы психологический анализ связи именно внутреннего мира личности со сложными жизненными процессами, подходит к роману И. Эфендиева «Кизилый мост» с этой позиции. Автор, отмечая то, что критика подходит к анализу образа с двух сторон – чисто воспитательно-социологической и психологической, связанной с исследованием духовного мира, приходит к правильному заключению о том, что связь между психологией характера и развитием общества смог почувствовать целый ряд прозаиков. «Именно в этот момент – в период новых потребностей и прогресса общества – от писателя требуется большой талант для изображения изменений во внутреннем мире характера с такой чувствительностью, посредством психологических средств, с мастерством истинного мастера» [11, 56]. И, безусловно, этот талант присущ творчеству И. Эфендиева.

Источники и литература:

1. Авижьюс С. Письмо другу / С. Авижьюс // Литературная газета. – 1959. – 24 сент.
2. Богусловский Б. Во имя духовной чистоты / Б. Богусловский // Литература и культура. – 1974. – 23 нояб. – на азерб. яз.
3. Джаббаров Н. Мало любить человека / Н. Джаббаров // Азербайджан. – 1977. – № 1.
4. Эльчин. Проблемы Азербайджанской литературной критики и литературного процесса / Эльчин. – Баку : Чинар-Чап, 2003. – на азерб. яз.
5. Эльчин. Критика и проза (Азербайджанская художественная проза в литературной критике) / Эльчин. – Баку : Гюнеш, 1999. – на азерб. яз.
6. Алышаноглы Т. «Новая проза» Азербайджана (о поэтике прозы века) / Т. Алышаноглы. – Баку : Элм, 1999. – на азерб. яз.
7. Эфендиев И. Избранные произведения : в 7 т. / И. Эфендиев. – Баку : Чинар-Чап, 2002. – Т. 4. – на азерб. яз.
8. Эфендиев И. Избранные произведения : в 4 т. / И. Эфендиев. – Баку : Азернешр, 1971. – Т. 2. – на азерб. яз.
9. Исмаилов Я. Путь творчества Ильяс Эфендиева / Я. Исмаилов. – Баку : Элм, 1991. – на азерб. яз.
10. Сеидов Я. Ильяс Эфендиев / Я. Сеидов. – Баку : Азернешр, 1975. – на азерб. яз.
11. Юсифли В. Проза, конфликты, характеры / В. Юсифли. – Баку : Язычи, 1986. – на азерб. яз.
12. Щепелева З. Лев Николаевич Толстой / З. Щепелева. – М. : Московский рабочий, 1960.
13. Велиев И. Концепция человека в художественной литературе : генезис и этапы развития : дисс. ... доктора фил. наук / И. Велиев. – Баку, 2000. – 352 с. – на азерб. яз.
14. Электронный ресурс. – Режим доступа : http://lepo.it.da.ut.ee/~lar2/Pushkin/31pt2_5t/htm

Норец М.В.

УДК: 811.111

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ЗНАКОВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ

Первым лингвистом, кто определил сущность фразеологической абстракции был В.Л.Архангельский: «Если устойчивые сочетания и различного рода фразеологические сцепления действительно существуют как особые языковые единицы, отличные от слов, свободно организуемых словосочетаний и предложений, то им должны быть присущи черты особой языковой абстракции, отличной от той, которая наблюдается в словах» [1, с. 61]. Согласно Архангельскому, в системе вариационного метода изучения фразеологии, фразеологическая абстракция функционировала как механизм отвлечения смысла фразеологического единства (ФЕ) от первичных значений компонентов. Позже, семантическая сторона ФЕ стала превалирующей. Данное понятие А.М. Мелерович отождествляет с понятием мотивированности, отмечая, что «фразеологическая абстракция неразрывно связана с мотивировкой фразеологического значения» [цит. по 2, с.158]. Автор этой цитаты утверждает, именно такая зависимость двух явлений между фразеологической абстракцией и мотивировкой предполагает существование обратно пропорциональной связи: «Наличие определенного типа мотивировки фразеологического значения свидетельствует об отсутствии или неполноте соответствующего типа фразеологической абстракции, и наоборот – чем полнее